

АНДРЕЙ ЛАНИУС

**ТАШКЕНТСКИЙ
МЕРИДИАН-89**

16+

Ланиус Андрей
Ташкентский меридиан-89

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63970828

SelfPub; 2021

Аннотация

Сей труд бывшего русского туркестанца посвящен плюрализму мнений и новому мышлению.

Ланиус Андрей

Ташкентский меридиан-89

Хроника недавнего времени: эпоха застоя и апогей перестройки

ГОРОД ПРИВЕТЛИВЫХ ЛИЦ

Где-то в конце 70-х в Ташкенте проходило Всесоюзное совещание учителей, на которое съехались посланцы со всех уголков единой страны.

Республиканская пресса широко освещала это мероприятие.

Мне довелось брать интервью у женщины-педагога из Эстонии, русской, но с эстонской фамилией.

Она никогда не бывала на Востоке, и сейчас не могла скрыть своего восхищения.

Собираясь в дальнюю дорогу, она была уверена, что увидит пыльный глинобитный город с кривыми улочками, женщин в парандже, чахлую листву...

Однако перед ней предстал чудесный город-сад, с красивыми зданиями, с многочисленными фонтанами и орошаемыми цветниками.

Но самое сильное впечатление на нее произвели сами ташкентцы, в особенности, местные красавицы с открытыми лицами.

Она ощущала, что вокруг царит атмосфера доброжелательности, приязни, гостеприимства.

С каким бы вопросом она ни обращалась к кому-либо из прохожих, ей отвечали с улыбкой, охотно и сердечно. Причем, как она заметила, коренное население владело русским совершенно свободно.

Однако и русские лица встречались ей через шаг.

Как в этом глубинном уголке Средней Азии, отделенном от Европы бескрайними степями и пустынями, оказалось так много русских, которые, судя по всему, чувствуют себя здесь вполне комфортно, или ей это только показалось?

Нет, эстонская гостья не ошиблась, в точности уловив дух восточного мегаполиса.

Что же касается русской общины, то ее история берет отсчет от 1865 года, когда Ташкент, в то время действительно глинобитный городок с кривыми улочками, был присоединен к Российской империи.

Через два года Ташкент стал центром Туркестанского генерал-губернаторства и Сырдарьинской области, сюда начали прибывать чиновники, военные, инженеры, врачи, учителя...

Вскоре рядом со старым городом, за каналом Анхор, начали подниматься новые кварталы с европейской планировкой.

На протяжении последующих десятилетий европейское население Ташкента росло постоянно, хотя и плавно, однако

были этапы, когда это происходило скачкообразно.

В период Великой Отечественной войны город принял десятки крупных предприятий, вузов и научных учреждений из западных регионов страны.

Определенные коррективы в национальный состав восточной столицы внесло землетрясение 1966года.

Ташкент фактически отстраивался заново, и в него тысячами прибывали специалисты и строители из всех союзных республик.

Надо только иметь в виду, что в широком смысле коренное население называло русскими всех обладателей европейской внешности.

Славянин ли, немец, еврей, латыш, молдаванин, армянин, грек, – все равно русский!

Но и азиатская часть населения города тоже отличалась многоликостью.

Кроме узбеков, здесь обитали крупными общинами казахи, таджики и киргизы.

Внутриительной диаспорой были представлены корейцы.

В 60-х годах доля «европейцев» среди жителей Ташкента превышала 50процентов.

Однако постепенно, ввиду более высокой рождаемости в узбекских семьях, соотношение менялось в пользу титульной нации.

Но и в середине 80-х русские все еще составляли порядка 40процентов от населения Ташкента, общая численность

которого приближалась к двум миллионам человек.

«Я ПОЛЮБИЛ ЭТУ ЗЕМЛЮ»

Русские не только приезжали, но и уезжали.

Чаще всего, в силу семейных обстоятельств либо по соображениям карьерного роста.

И в самом деле, в условиях, когда выдвигались прежде всего национальные кадры, перспективному специалисту-«европейцу» трудно было рассчитывать на то, что его таланты будут оценены объективно.

Во главе практически каждой организации, каждого учреждения стоял представитель титульной нации, а русский мог быть либо его замом, либо главным инженером.

Конечно, встречались исключения, но это были именно исключения.

Квартирный междугородный обмен, как и переезд, в ту пору не представлял особой сложности.

Захотел уехать – в добрый час!

Среди моих знакомых было, по меньшей мере, человек десять, которые в те, еще благополучные «застойные» времена покинули Ташкент по обмену, как казалось, навсегда.

Был, например, главный инженер сравнительно крупной строительно-монтажной организации, украинец, который мечтал перебраться на историческую родину.

Наконец, он договорился о переводе на аналогичную должность и переехал в благословенный город Полтаву.

И что же?

Года через три я снова увидел его в Ташкенте; оказалось, он вернулся на старое место работы.

Вернулись почти все те мои знакомые, кто уезжал «навсегда».

Они что-то путано объясняли насчет капризов климата и прочего, но истинная причина крылась в чем-то другом.

В чем же?

Однажды я разговорился с поэтом-любителем, белорусом по национальности, который был моим соседом по микрорайону.

В предзакатный час мы шли по бульвару, и мой собеседник восторженно рассказывал мне о своей недавней поездке в Белоруссию, о том, как щедро принимала его многочисленная родня, и как зазывала вернуться на родину, обещая помочь и с жильем, и с работой.

– Почему же ты не согласился? – спросил я.

Он помолчал немного и сказал просто и задушевно, без тени рисовки:

– А я полюбил эту землю...

Полагаю, он точно сформулировал то, что у других лежало на сердце.

Многие тысячи среднеазиатских «европейцев» могли бы повторить, как признание: «Я полюбил эту землю»...

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

Ну, а как сами узбеки относились к русскому населению республики?

Ташкентские узбеки старого закала четко разделяли русскую общину на две основные категории.

К первой они относили тех европейцев, которые выросли и сформировались на Востоке, считая эту землю родной, которые понимали и уважали местные традиции, а также соблюдали нормы поведения, принятые в этих краях.

Эти русские люди, которые, что немаловажно, были большей частью специалистами высокой квалификации – преподавателями, врачами, инженерами и т.д., пользовались безоговорочным уважением в узбекской городской среде.

Какие-либо конфликты на национальной почве между двумя этническими группами были за гранью возможного.

До землетрясения 1966года преобладающим влиянием среди европейского населения Ташкента пользовались именно те его представители, каждый из которых мог бы сказать о себе: «Я полюбил эту землю»...

А затем...

На восстановление разрушенного города приехало множество молодых мужчин и женщин со всех уголков страны.

Большинство из них не имели никакого представления о специфике этого края.

Нет, основная масса строителей вела себя достойно, общаясь постепенно к той истине, что «Восток – дело тонкое».

Но, чего греха таить, были и такие, кто, не стесняясь, нередко в нетрезвом состоянии, неуважительно отзывался о

местном укладе жизни, об уровне национальной культуры.

Такого рода «гости», которые, впрочем, считали, что они везде дома, то и дело провоцировали конфликтные ситуации.

По счастью, почти всегда находились «здравомыслящие головы», как из числа коренных русских ташкентцев, так и узбеков, которые вмешивались в инцидент, гася нездоровые страсти.

Неприятный осадок, однако, оставался.

Надо сказать и о том, что в 70-80-х годах в Ташкенте сформировалась довольно внушительная прослойка русскоязычных узбеков.

Русский язык, на котором они говорили в совершенстве, был для них родным.

Ближе им была и русская, европейская, западная культура.

Далеко не все старые узбеки одобряли эту тенденцию.

И все же, несмотря ни на какие нюансы, Ташкент по-прежнему выделялся приветливостью и отзывчивостью своих обитателей, теплой, дружелюбной атмосферой, которая по-хорошему удивляла многих гостей города.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ БРИГАДЫ

Дабы не злоупотреблять статистикой и общими рассуждениями, расскажу о собственном опыте межнациональных общений, благо, он оказался весьма разнообразным.

За период своего довольно длительного пребывания в

Ташкенте я сменил три главных места службы, каждое из которых отличалось своей национальной окраской.

Начинал в строительном-монтажном управлении по сооружению ЛЭП и подстанций, работал не в конторе, а на трассе, прорабом.

Наши бригады из 8-12 монтажников, являли собой полный интернационал.

Кроме славян, которые редко составляли большинство, на трассах трудились узбеки, таджики, корейцы, башкиры, татары, греки, армяне, каракалпаки...

Вспоминаю одну бригаду, в равных долях состоявшую из немцев и крымских татар.

Откуда такая экзотика?!

Дело в том, что все они жили в поселке Товаксай под Чирчиком, куда в годы войны были сосланы сначала наши немцы из автономии на Волге, затем крымские татары.

Две столь несхожие по своим традициям общины сообща превратили бесплодную землю в цветущий сад, по-добрососедски помогая друг другу выживать, и сохранили эту привычку к совместной работе.

Вот и в бригаде, о которой идет речь, они отлично ладили между собой и, как папашу родного, чтили своего волевого и справедливого бригадира Вольтбауэра.

Монтажники ЛЭП, верхолазы-высотники, – это своего рода строительная элита.

Каждый – личность, с характером и крутым нравом, с

чувством собственного достоинства.

Случалось всякое, но за семь лет работы на трассах мне не доводилось сталкиваться ни с одним конфликтом на межэтнической почве.

Задевать даже намеком национальные чувства товарища по бригаде считалось в те времена чем-то низким, постыдным и непристойным.

Этот неписанный закон соблюдался свято даже самыми невоздержанными на язык членами коллектива.

Специфика нашей работы в Средней Азии была такова, что ЛЭП приходилось тянуть в обход пахотных земель, через пустоши, пустыни и предгорья.

Порой забирались в такую глухомань, где на десятки верст вокруг не было ни администрации, ни милиции, а местное население в своей массе практически не владело русским.

И опять же никогда у нас не было распрей с этими чабанами, охотниками и земледельцами, которые, как правило, были настроены по отношению к нам, «чужакам», если и не дружелюбно, то вполне лояльно.

В периоды так называемых «отгулов», возвращаясь из длительных производственных командировок в Ташкент, я посещал литературный семинар при редакции журнала «Звезда Востока».

Семинар вел заместитель главного редактора, старый мудрец Альфред Рудольфович Бендер, который печатался под псевдонимом Эдуард Арбенов.

В частности, его перу принадлежали романы «Феникс» и «Берлинское кольцо», по мотивам которых был снят известный фильм «В двадцать шестого не стрелять!»

Как-то раз кто-то из семинаристов поднял вопрос о переезде в Россию. Мол, здесь, в республике, русский писатель вынужден ограничивать свое творчество местной тематикой.

– Если переезжать, то колониями, – посоветовал наш учитель. – Чтобы поддерживать друг друга, общаться. А в одиночку на новом месте даже крупный талант может зачахнуть.

Вскоре наш семинарист действительно отъехал по обмену в Россию, то ли куда-то на Урал, то ли на Волгу.

А года через два вернулся.

Говорил, что там часто идут дожди, а в час пик сесть в автобус просто невозможно...

Семинар посещали и некоторые журналисты из редакции республиканской газеты «Правда Востока», которые с благосклонностью отнеслись к моим текстам.

И вот, спустя какое-то время, неожиданно для себя самого, я, чуть ли не с трассы, попал в штат главной русскоязычной газеты республики.

Бывают же чудеса на свете!

ИЛЛЮЗИИ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Кроме русских и евреев, в редакции работали русскоязычные узбеки и татары, так что проблема межнационального общения особой остроты здесь не имела.

Я снова исколесил всю республику, теперь уже в качестве специального корреспондента.

Довелось побывать и в кабинетах ЦК Компартии Узбекистана, и на ведущих предприятиях, и в лабораториях учебных, и в сельской глубинке...

Несколько командировок было в Ферганскую долину, с которой я познакомился еще в бытность прорабом.

Фергану сами узбеки называли «русским городом», хотя доля русских здесь была существенно ниже, чем в Ташкенте.

Этот населенный пункт под названием Новый Маргилан основал в 1877 году «белый генерал» Скобелев, как центр Ферганской области на территории только что присоединенного к России Кокандского ханства.

Кстати, с 1910 по 1924 гг. город носил имя Скобелева.

Фергана отличалась от древних городов долины своей четкой радиально-концентрической планировкой, широкими бульварами и проспектами, где ощущалась та же интернациональная атмосфера, что и в столице, звучала русская речь.

В городе проживали представители более ста наций и народностей, в том числе турки-месхетинцы, переселенные в Узбекистан в 1944 году из Грузии.

Фергана, как и все другие значительные города этой благодатной долины, находилась в кольце поселков-спутников, колхозов и совхозов.

Сельские усадьбы, где вызревали гранат и инжир, сочные

абрикосы и высокосахаристые сорта винограда, казались воплощением рая на земле.

Но это была лишь иллюзия благополучия.

Древняя Ферганская долина столкнулась с острой демографической проблемой.

В отдельных ее районах плотность населения достигала 400 человек на квадратный километр и продолжала расти за счет высокой рождаемости.

В иных кишлаках обитало до 15-20 тыс. человек, а ведь плодородной поливной земли в хозяйстве больше не становилось.

Главе семьи, простому дехканину, становилось все труднее свести концы с концами.

Республиканские власти пытались сгладить проблему, предлагая сельчанам переезжать на целинные земли, в частности, в Голодную степь.

Однако никому не хотелось покидать родные места, а те, кто все же соглашался на переезд, нередко возвращались обратно через год-другой.

Но работы не хватало на всех, и наиболее незащищенная часть сельского населения Ферганской долины вынуждена была существовать на ничтожные, мизерные доходы (по некоторым сведениям, в пределах 20-30 рублей в месяц на душу).

При этом в самих кишлаках ни для кого не было секретом, что свое же начальство жирует, бессовестно обогащаясь за

счет взяток и приписок.

Вокруг относительно благополучных «русских городов» накапливался взрывоопасный материал, но за победными рапортами об очередном рекордном урожае хлопка, грозной тенденции до поры не замечали, даже те, кому это полагалось по должности.

Впрочем, не буду забегать вперед.

ЧАЙХАНА В МАХАЛЛЕ

После семи лет работы в «Правде Востока» я перешел в издательство ЦК комсомола республики «Еш гвардия» («Молодая гвардия»).

Коллектив, в котором я теперь оказался, на девять десятых состоял из национальных кадров.

Все заведующие редакциями (кроме русской редакции) были узбекскими писателями и поэтами.

Издательство выпускало 150 книг в год, из них более 120 названий – на узбекском языке.

Тем не менее, в русскую редакцию шли не только русскоязычные писатели, но и наши узбекские собратья по перу.

Я не могу припомнить ни одного литератора, пишущего на национальном языке, который не мечтал бы издаваться и на русском, сначала здесь, на исторической родине, а затем в Москве.

Поэтому к нам приходили не только с рукописями, но и в стремлении найти через издательство квалифицированного переводчика.

В свою очередь, русские писатели торили дорожку и в узбекские редакции, каждая из которых ежегодно выпускала по две-три книжки на русском языке.

Немало рукописей присылали нам из Москвы, из крупных городов России и Украины.

При этом иные авторы предпринимали сложные обходные маневры.

Еще при жизни Ш.Рашидова, бессменного главы республики на протяжении 24 лет, имевшего также реноме крупного писателя, некоторые «пробивные» русские литераторы, проживавшие в России, взяли за правило высылать свои описки непосредственно на имя руководителя Узбекистана.

Дескать, дорогой Шараф Рашидович, у нас знают, любят и ценят ваши талантливые книги; тут мне удалось недавно найти интересные факты, связанные с вашим пребыванием в наших краях; я включил их в свое произведение, которое, льщу себя надеждой, увидит свет при вашей мудрой поддержке в вашей замечательной республике...

Одна из таких рукописей по наследству досталась мне.

Рашидова к тому времени уже не было в живых, однако рукопись по-прежнему числилась за издательством, причем наши прямые начальники – комсомольцы из центрального аппарата с непонятной настойчивостью требовали ее включения в план.

Поневоле мне пришлось вникать в эту запутанную историю.

Автором сочинения был писатель с юга России.

Свой «кирпич» он направил на имя Рашидова еще года четыре назад.

Из ЦК партии через ЦК комсомола «кирпич» переадресовали в наше издательство с сопроводительным письмом за подписью зам зав отделом.

Бумага не содержала никаких грозных резолюций, окончательное решение отдавалось на усмотрение редакции.

Полагаю, Рашидову даже не докладывали о присылке рукописи.

Само сочинение находилось в папке с едва сходящимися тесемками.

Я добросовестно прочитал сей труд; он был сырым, многословным и малоинтересным.

Оставалось лишь подивиться изобретательности моих узбекских коллег (тематически рукопись проходила по узбекской редакции), которые из года в год находили все новые и новые причины, дабы отбиваться от выпуска «макулатурной» книжки вопреки нажиму ЦК комсомола.

Уже позднее я узнал причину столь странной настойчивости наших командиров.

Оказалось, что автор якобы нашел себе нового высокого покровителя, уже в Москве, и сейчас, намекая на его возможное заступничество, бомбардировал наших комсомольцев письмами.

А комсомольцы, надо полагать, попросту не хотели созда-

вать себе проблем на пустом месте...

Вообще-то работа в издательстве, которая продолжалась для меня более четырех с половиной лет, вместила много поучительных событий.

Остановлюсь еще на одном эпизоде.

Как-то раз, уже на третьем году моей работы, ко мне подошел заведующий одной из узбекских редакций и с таинственным видом сообщил, что у него есть важный разговор.

Дело в том, начал он, что в издательстве существует давняя традиция.

Раз в месяц руководители различных служб, исключая женщин, собираются в чайхане за пловом, который вскладчину готовят сами.

Это такое неформальное общение, маленький отдых для души, никаких производственных разговоров!

Они решили пригласить меня в свой круг, если, конечно, у меня не будет возражений.

Такого рода предложение можно было расценить как выражение высшей степени доверия со стороны моих коллег.

В Ташкенте во все времена имелись обширные районы индивидуальной застройки, где проживали, в основном, узбекские семьи.

Административная единица такого района называлась махалля.

Формально это слово можно перевести как «городской квартал».

Но корневое отличие в том, что в узбекской махалле все люди знают друг друга, связаны между собой определенными нормами поведения и всегда готовы прийти на выручку друг другу.

Почти каждая махалля имела своеобразный мужской клуб, вернее, общественную чайхану: обособленный двор, где тянулись в ряд, обычно вдоль арыка, обсаженного розами, несколько айванов (веранд), а в дальнем углу, под навесом, были устроены очаги с котлами, самоварами и запасами топлива.

Здесь можно было собраться компанией, но только своим, махаллинским, предварительно уведомив служителя. А уж тот указывал, какой айван можно занять и каким котлом воспользоваться.

Вот в такую чайхану меня и пригласили.

Конечно же, я внес свой пай, поскольку все продукты закупались на базаре.

Плов уже поспел; как выяснилось, для его приготовления вперед были высланы два повара, которые успели также вскипятить самовар.

Запаслись и водкой, которую для приличия подавали на стол в фарфоровом чайничке, с виду миниатюрном, но вмещавшем ровно пол-литра жидкости.

Водки, кстати, было немного, лишь для оживления разговора.

Разговор же действительно не касался производственных

тем и велся, скорее, в духе аскии – состязания остроловов.

Есть у узбеков такая застольная традиция: один произносит шутовую, но задиристую реплику, второй, безо всякой паузы, должен остроумно продолжить ее, затем вступает третий, четвертый и так далее. Проигравшим считается тот, кто замешкается с ответом, хотя бы на несколько секунд.

Впрочем, говорили и о Горбачеве, о перестройке, куда же было деваться от жгучих актуальных тем!

За соседними айванами расположились еще две компании. Оттуда тоже доносился смех, там тоже разливали из чайничка отнюдь не чай.

Время от времени во дворе появлялся слугитель, как бы удостоверяясь, что все в порядке.

В тот вечер я тут был, кажется, единственным русским.

Но, похоже, мое присутствие воспринималось всеми спокойно.

Кажется, была середина февраля 1988года.

До страшных ферганских событий оставалось еще более года...

ПЕРЕКРОЙКА ГРАНИЦ

24 февраля 1988года в газете «Правда» была опубликована информация ТАСС «К событиям в Нагорном Карабахе». Ее положения как бы подводили черту под весьма тревожным для советского общества конфликтом.

В этой заметке, фактически излагавшей позицию ЦК КПСС, настойчивые требования передать автономию из со-

става Азербайджанской ССР в ведение Армянской ССР квалифицировались как «безответственные призывы отдельных экстремистски настроенных лиц».

Москва твердо заявляла, что пересмотра существующего национально-территориального устройства страны не будет.

Должен сразу же подчеркнуть, что не собираюсь касаться здесь ни истории самого конфликта, ни аргументации противоборствующих сторон.

Моя цель – показать реакцию на это событие населения тогдашнего многонационального Ташкента.

Ведь что ни говори, а митинги и демонстрации в Нагорном Карабахе стали первым серьезным испытанием для политики «дружбы народов СССР».

Последствия же начавшегося процесса не могли не отозваться эхом во всех национальных окраинах единого советского пространства.

Откровенно говоря, до вспышки этого межэтнического конфликта лишь немногие в Ташкенте могли бы без подсказки найти на карте Нагорный Карабах.

И, пожалуй, только члены армянской диаспоры знали, что основную часть населения этой небольшой кавказской автономии составляли их соплеменники.

Но там же, на юге области, имелись районы с азербайджанским населением, которое, по понятным причинам, не поддерживало никаких территориальных перемен.

В настойчивом требовании пересмотра границ со стороны

неформальных карабахских лидеров жители Средней Азии, причем, не столько даже русские, как представители коренных наций, видели для себя мину замедленного действия.

Дело в том, что еще с царских времен Туркестанский край пережил немало политико-административных реформ.

Карта Туркестана многократно перекраивалась и в советское время.

Еще были живы старики, хорошо помнившие казусы так называемого национально-государственного размежевания, начавшегося в конце 1924года.

Они рассказывали своим детям и внукам о том (и это ни для кого не являлось секретом), что в отдельных районах таджиков массово записывали узбеками и наоборот, казахов – киргизами и т.д.

Таджикистан, например, до 1929года являлся автономной республикой в составе Узбекской ССР. А Киргизия и вовсе имела статус автономной области и входила в состав РСФСР.

Весьма причудливо сложилась судьба Каракалпакии.

Мне довелось почти год жить и работать в этом самобытном краю, и я по возможности подробно изучил его историю.

Так вот, только в советское время Каракалпакия последовательно находилась в Хорезмской республике (своей левобережной частью), затем вошла в Казахскую АССР, после чего четыре года пребывала в РСФСР, и лишь в 1936-м была включена в состав Узбекской ССР.

А ведь каракалпаки – тоже древнейший народ со своей

историей и культурой, народ, имевший определенные предпочтения.

Мне доводилось беседовать на эту тему со многими представителями практически всей титульных наций.

Настаивая на том, что при размежевании было допущено много ошибок и несправедливостей, все они, тем не менее, подчеркивали, что поднимать заново вопрос о пересмотре границ, особенно, если это касается районов с водными источниками и поливными землями, было бы для Средней Азии самоубийственным.

Никакая человеческая воля не смогла бы распутать этот исключительно сложный узел проблем.

А разве на Кавказе положение проще?

Карабахский конфликт, тлевший (пока еще тлевший!) за сотни километров от Ташкента, тем не менее, никого не оставил здесь равнодушным.

Люди говорили, что для блага страны нельзя допустить опасного прецедента, высказывали надежду, что Москва разберется во всем и предложит взвешенное, устраивающее всех решение, в полной мере гарантирующее права армянского населения Карабаха.

Если уж центральная власть в предшествовавшие периоды пользовалась правом перекройки административных границ, то именно сейчас ей следовало твердо объявить об их нерушимости. Ведь мы живем в одной стране, что же тут делить!

И вот появилась информация ТАСС, в которой, как казалось, были расставлены все точки над «и».

РЕЗНЯ В СУМГАИТЕ

Однако успокоение оказалось совсем коротким.

Всего через несколько дней на Кавказе полыхнуло так, что содрогнулась вся страна!

В Сумгаите, индустриальном городе с 250-тысячным населением, являвшемся, по сути, дальним пригородом Баку, в течение 27-29 февраля происходили кровавые события, названные позднее «Сумгайтским погромом», или «Сумгаитской резней». По сути, шла охота на лиц армянской национальности, которых жестоко избивали, насиловали, убивали, выбрасывали из окон.

По официальным данным погибли 25 армян и шесть азербайджанцев, около ста жителей были ранены.

Еще больше пострадавших (около 300) было среди военнослужащих, которых бросили против разъяренной толпы практически без надлежащих средств защиты.

Власти всячески пытались приуменьшить масштабы кровавой бойни, свести ее к разрозненным актам хулиганства и вандализма, к отсутствию в ней организационного начала.

Но в действительности это была первая за советский период вспышка массового насилия на этнической почве.

Горбачев, в свойственной ему манере, переложил вину за случившееся на военных. Дескать, не опоздай они на три часа, беспорядков не произошло бы.

Среди «европейцев» Узбекистана события в Сумгаите вызвали смутное ощущение надвигавшейся беды.

Дело в том, что Ташкент и Баку советских лет были весьма схожи по своему интернациональному духу, казавшемуся прочным и незыблемым.

В обоих городах, с их пестрым национальным составом, царила особая атмосфера взаимопонимания и дружбы, господствовало толерантное отношение к людям с другими этническими корнями.

Невольно закрадывалась мысль: если дикая вспышка насилия оказалась возможной вблизи интернационального Баку, то не повторится ли нечто подобное в других местах?

Между тем, «узун кулак» проносил все новые подробности о подлинных событиях в Сумгаите.

Выяснилось, например, что накануне погромов в городе побывали первые лица республики, но общение в зале с жителями оказалось столь острым, что партийные вожаки вынуждены были спастись бегством через черный ход.

Значит, власти знали о готовящемся мятеже?

Но если так, то почему не приняли решительных мер?

Где был якобы всемогущий КГБ с его мощным осведомительским аппаратом?

Почему бездействовала местная милиция?

Почему город в течение почти двух суток находился в руках озлобленных погромщиков?

Передавали также, что зачинщиками резни были доведен-

ные до отчаяния беженцы из азербайджанских сел Нагорного Карабаха.

Но если так, то, значит, круг «подстрекателей» был довольно узок, а это, в свою очередь, облегчало профилактическую работу с ними.

Или же кому-то было выгодно выпустить кипевшие страсти наружу?

Все эти вопросы оставались без ответов.

Ясно было лишь то, что события в Сумгаите резко осложнили выполнение договоренностей, достигнутых накануне в Нагорном Карабахе.

И все же даже в тот период большинство ташкентских европейцев верили, что положение еще поправимо, что это было последнее испытание для «дружбы народов СССР».

Мы верили, что Сумгаит преподал, пускай горький, но все же важный урок для новых лидеров страны.

Теперь-то они уж точно поймут специфику национальных окраин!

Теперь-то, наверняка, уделят пристальное внимание особенностям межэтнических отношений, поручат профессионалам разработать меры по недопущению в будущем бесчинств на почве экстремизма, научатся действовать на опережение.

Ну, а что касается конфликта между Азербайджаном и Арменией, между двумя братскими народами, то он все же будет улажен в обозримом будущем.

В духе пролетарского интернационализма.

Иного не дано! – было такое магическое заклинание во времена перестройки, весьма любимое многими реформаторами.

УТЕРЯННЫЙ ШАНС

И тут словно бы сама природа вмешалась в кипение политических страстей, хотя и самым грозным, трагическим образом.

7 декабря того же, 1988 года в Армении произошло мощное Спитакское землетрясение, жертвами которого стали более 25 тыс. человек.

В Ташкенте эту весть восприняли с болью и состраданием.

В городе, пережившем разрушительное землетрясение 1966 года, а затем отстроенном заново, понимали, что значит неотвратимый удар стихии.

Погибших, увы, не вернешь, но возрождать из руин потерянное необходимо.

Ни один республиканский бюджет не выдержал бы трат на колоссальные восстановительные работы, и лишь совместными усилиями можно было ликвидировать последствия разгула подземной бури.

В Ташкенте хорошо помнили о трудившихся на его площадках строителях всех национальностей.

Беда, как и ее преодоление, сплачивает людей, побуждает их к сотрудничеству.

Узбекистан в числе первых вызвался придти на помощь

пострадавшим армянским братьям.

Но не в меньшей степени нас всех обрадовало заявление Азербайджана, сделанное в том же духе братской солидарности, о готовности направить в Армению строителей, технику, другую помощь.

Сложилась уникальная ситуация, когда за счет вовлечения в благородный созидательный процесс все стороны конфликта могли бы выйти из него, «не потеряв лица».

Однако какая-то странная пассивность центральных властей, их отстраненность от большой проблемы привели к тому, что новые размолвки участников спора наслоились на прежние обиды.

Сам же конфликт приобрел еще большую остроту.

Именно в эти зимние дни единственно возможный путь к примирению был утерян окончательно, была пройдена некая «точка невозврата».

В Ташкенте горько сожалели об этом, как, может быть, нигде.

Но нам все еще верилось, что злая энергия этнических разборок никогда не доберется до Средней Азии.

«ИЗ-ЗА ГОРСТИ КЛУБНИКИ»...

Весна 1989 года выдалась беспокойной.

Карабахский кризис продолжал углубляться.

Произошли известные события в Тбилиси.

Лихорадило Молдавию.

О стремлении выйти из состава СССР упорно заявляли

прибалтийские республики.

Но здесь, в Средней Азии, в частности, в Узбекистане, пока сохранялась относительная стабильность.

Как-то раз мы провожали в отпуск нашего сотрудника, еврея по национальности, и он вдруг сказал: «Как хотите, а я знаю точно: Узбекистан никогда не выйдет из Союза, а если и выйдет, то самым последним»...

Нам и самим хотелось верить, что Союз устоит, выдержит все испытания и окрепнет в них.

Однако подкрадывалось тревожное ощущение, что в кувшине, где был некогда замурован злой «джинн национализма», появилась маленькая щелочка, и вытекание ядовитого дурмана идет из нее, хотя и медленно, но непрерывно. И уже рядом бродит кто-то невидимый, кто намерен сорвать крышку с этого запретного кувшина и выпустить джинна на волю.

25мая в Москве начинал работу 1-ый съезд народных депутатов СССР, с которым люди связывали многие надежды.

Прибыли в столицу и посланцы Узбекистана, в том числе 1-ый секретарь ЦК Компартии республики Рафик Нишанов.

И вот, буквально накануне открытия съезда, когда внимание всей страны было приковано к Москве, у нас, в ферганской глубинке, неожиданно для всех, вспыхнул межэтнический конфликт.

23мая в городе Кувасае произошла массовая драка между лицами узбекской и таджикской национальностей, с одной

стороны, и турками-месхетинцами, с другой. Всего в столкновении участвовало порядка двухсот человек.

Местным партийным органам и милиции удалось к полуночи утихомирить страсти.

Но уже с утра в городе снова начали собираться группы возбужденных людей.

К ночи завязалась еще более ожесточенная, чем накануне, драка.

В ходе этой стычки с применением холодного оружия пострадали несколько десятков человек.

Один из них, таджик по национальности, вскоре скончался в больнице.

Но и власти успели подготовиться, стянув в Кувасай из Ферганы и других городов порядка трехсот сотрудников милиции.

Как сообщалось, «партийные органы города провели большую разъяснительную работу».

Так или иначе, но к утру положение, по всем признакам, стабилизировалось.

Турки-месхетинцы?

Признаться, в Ташкенте далеко не все слышали об этом этносе.

По одной из версий, в Месхетии, исторической области на юге Грузии, турки поселились еще во времена древних персидских царей.

Живя веками на Кавказе, турки, носившие мусульманские имена, не смешивались с местным населением, многие из них не знали грузинского языка.

Уже в советское время их заставили взять грузинские фамилии и поменять национальность. По паспорту они стали считаться «грузинами», «азербайджанцами», «курдами»...

В довоенный период в Месхетии было порядка 220 турецких сел, где проживало около 100 тыс. человек.

14 ноября 1944 года почти все они, под предлогом срочной эвакуации, были депортированы в Среднюю Азию.

К моменту описываемых событий, в Ферганской области проживало свыше 16 тыс. турок-месхетинцев.

Держались они компактными группами, занимая отдельные кварталы в Фергане, Маргилане, Коканде, Ташлаке, Куvasae и прилегавших сельских районах.

В своей массе турки занимались крестьянским трудом и торговлей, на высокие должности не метили, но всегда поддерживали друг друга.

Между тем, на съезде в Москве Нишанов был выдвинут на пост председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР.

Отвечая на депутатский запрос о событиях в Ферганской долине, Рафик Нишанович в своей подчеркнуто спокойной манере объяснил, что всё произошло «из-за горсти клубни-

ки». Мол, некий турок-месхетинец покупал ягоду у продавщицы-узбечки и остался недоволен качеством обслуживания. Он сгоряча перевернул лоток, женщину взяли под защиту земляки, турка прибежали выручать его соплеменники... Так и завязалась драка. На бытовом уровне. Но сейчас уже всё позади. В солнечном городе снова мир и тишина...

Ответ депутатам понравился.

Между тем, обстановка не только в Кувасае, но и в других населенных пунктах Ферганской долины напоминало затишье перед грозой.

ГРОЗА НАД ДОЛИНОЙ

Гроза над Ферганской долиной разразилась 3июня утром (называют даже точное время – 10.00.).

Правда, в Ташкенте мы узнали об этом с опозданием, поскольку никакой официальной информации не поступало.

Но отголоски тревожных слухов все же долетали, и снова пришлось прибегнуть к испытанному средству – «Узун кулак».

Я обзвонил многих знакомых журналистов, но никто ничего толком не знал; разве что выяснилось, что из редакций в командировку в Фергану выехали многие спецкоры.

В Фергану же в полном составе направилось и руководство ЦК комсомола республики, в чьем ведении находилось наше издательство.

Среди авторов «Ёш гвардии» было несколько силовиков: милицейский капитан, русский, а также амбициозный моло-

дой прокурор, узбек по национальности. С каждым из них у меня были вполне доверительные отношения.

Однако ни одного, ни другого на месте тоже не оказалось.

Оба отправились в командировку (уже было понятно, куда именно).

Мой коллега и друг, писатель Павел Шуф, сам уроженец Ферганской долины, дозвонился после бесчисленных попыток до своего земляка поэта Михаила Чарного.

«Что там у вас происходит?!»

«Идет гражданская война, – был ответ. – Повсюду грузовики с бандитами. Магазины закрыты, базары пустые. Те несчастные, у кого дома нет никаких запасов съестного, попросту голодают.

Иногда на перекресток привозят хлеб – на мотороллере с прицепом. Водитель продает, не глуша двигателя. Успел купить – тебе повезло. Власти нет, милиции не видать. Всё произошло неожиданно, поэтому царят паника и растерянность. Но ночам слышна стрельба, но люди и днем боятся выходить на улицу»...

Растерянность, недоумение и растущая тревога – эти чувства охватили многих ташкентцев в те напряженные июньские дни.

Не поступало никакой достоверной информации.

Впрочем, главное было ясно всем: в долине происходят массовые беспорядки, а властям пока не удастся взять ситуацию под контроль.

БЕСПОЩАДНЫЙ БУНТ

Активная фаза погромов продолжалась более недели, вплоть до 11 июня.

Началось же в поселках городского типа Ташлак и Комсомольский, в городах Фергана и Маргилан.

Бесчинства в разных местах проходили по схожему сценарию, словно направляемые чьей-то умелой рукой.

Толпа погромщиков, как правило, из числа узбекской сельской молодежи, нападала на кварталы, где компактно проживали турки-месхетинцы, громила и поджигала дома, нередко убивала и калечила людей.

Под горячую руку порой попадали и люди другой национальности, включая тех же этнических узбеков.

Силы местной милиции и военнослужащие внутренних войск пытались оказать сопротивление, но их было явно недостаточно, чтобы закрыть все «горячие» точки.

Вспыхивало в одном месте, туда стягивали милицию из соседних районов, оголяя тылы, и это каким-то образом становилось тут же известно погромщикам, которые устремлялись туда, где уже не было стражей порядка.

Когда бунтовщики ворвались в Маргилан, этот пригород Ферганы, ее железнодорожные ворота, то на весь город приходилось всего шесть милиционеров.

Коканд фактически был захвачен 5-тысячной толпой бунтовщиков, которые ворвались в городское управление милиции и освободили арестованных ранее подельников.

Толпа была вооружена не только топорами, серпами, ножами и вилами, но также ружьями и автоматами.

На какой-то период, весьма продолжительный, жертвы остались безо всякой защиты.

Что оставалось этим несчастным, на которых шла многотысячная масса, уже опьяненная видом пролитой крови?

Кое-где, правда, турки пытались организовать отряды самообороны, вооружаясь ружьями и кинжалами.

Но это лишь усугубляло их положение, поскольку любой выстрел с их стороны трактовался как очередное «зверство турок» и давал повод к новой расправе.

Турки бросились искать спасения в те места, что казались им самыми надежными: здания горкомов и райкомов партии, управления милиции, вокзалы и аэропорты.

Но по дороге их ждали многочисленные засады.

И горька была участь тех, кого ловили.

Одно из самых чудовищных злодеяний произошло в Ташлакском районе.

Врач-турок, человек уважаемый, с женой и двумя родственниками пытался ночью бежать на личном автомобиле из поселка, охваченного погромами.

Однако на дороге их остановили, ограбили, а затем избивали в течение нескольких часов. Позднее этих несчастных, которые едва дышали, отвезли в поле, облили бензином и заживо сожгли.

Но и тех, кто добирался до спасительного пристанища, на-

ходили и вытаскивали оттуда.

Толпа врвалась в помещения парткомов, всё круша на пути и избивая сотрудников, неважно, были это русские или узбеки.

В Ферганском аэропорту большая группа беженцев ждала отправки, когда сюда ворвалась тысячная толпа погромщиков и блокировала несчастных.

При этом среди бунтарей нагнетались слухи, что турки готовят кровавую баню в отместку за свои жертвы, и что, мол, в других районах они уже жгут и насилуют.

Ситуация начала меняться лишь после прибытия подкреплений.

Внутренние войска, а также курсанты школ милиции перебрасывались в Фергану из всех регионов СССР. Сначала – из Алма-Аты, Ашхабада, Фрунзе, Душанбе... Затем из Киева, Ленинграда, Харькова, Перми, Баку, Еревана...

Численность группировки в считанные дни была доведена до 14тыс. человек, и для каждого бойца находилась горячая работа!

Руководил действиями генерал-полковник Ю.В.Шаталин, начальник Главного управления внутренних войск МВД СССР.

Но, похоже, уроки Сумгаита оказались выученными не слишком твердо.

Первых солдат перебросили в Фергану даже без дубинок и щитов.

Пришлось затем завозить спецсредства дополнительным рейсом.

Но уже не помогали ни дубинки, ни «черемуха», ни шумовые гранаты.

Из толпы в стражей порядка летели тучи камней, нередко звучали выстрелы...

Всего же за неделю кровавой бойни погибли более ста человек, еще свыше тысячи гражданских лиц и порядка 150 военнослужащих получили серьезные телесные повреждения, сотни людей пропали без вести.

Были сожжены больше тысячи домов, множество автомобилей, автобусов, мотоциклов и т.д.

К таким трагическим последствиям привела история, якобы начавшаяся с ссоры «из-за горсти клубники».

Надо отдать должное, Рафик Нишанов, уже в своем новом статусе, посетил лагерь беженцев и извинился перед ними за свои необдуманные слова.

Пришлось ему выслушать немало нелицеприятных вопросов.

Беженцы утверждали, что еще с 28 мая по многим базарам Ферганской долины ходили упорные слухи о предстоящей резне.

Неужели власти ничего не знали об этом?

А если знали, то почему не подготовились должным образом?!

КТО ВИНОВАТ?

В те тревожные дни я бегло записывал всю доступную мне информацию о ферганских событиях.

По счастью, эти пожелтевшие листки уцелели, и сейчас помогают воссоздать атмосферу того времени.

...Встретил на улице Тимура Низаева из АПН.

Он рассказал, что, начиная с 5 июня, находился в Фергане.

Я снова услышал: «Там шла гражданская война!»

По его словам, когда десантники все же обратили огромную толпу в бегство, то на площади осталась обувь, потерянная мятежниками. Это были чувяки, сотни, может, тысячи поношенных чувяков, пригодных лишь для свалки.

Именно такую копеечную обувь носила в своей массе молодежь из кишлаков.

Не из-за этой ли свирепой бедности удалось так легко разжечь этих ребят?

Примерно в эти же дни я встретил в Союзе писателей одного узбекского литератора, отличавшегося приветливым и добродушным нравом.

Зная, что он родом из Ферганской долины, я поинтересовался его мнением о случившемся.

«Вообще-то, наши ферганские узбеки – самые спокойные и тихие, – ответил он. – Вот бухарцы, например, резкие ребята, заводятся с пол-оборота. А наши ферганцы – совсем другие. И раз уж так вышло, значит, их кто-то сильно обидел»...

В этот момент к нам подошел другой местный литератор,

про которого сами узбеки говорили, что он «стучит» в «контору» на коллег.

«Турки сами виноваты, – вклинился он в разговор. – Турки хорошо работают, поэтому живут богаче, чем наши».

«Но если они работают лучше, то в чем их вина?» – спросил я.

«Они начали задирать нос! Подмяли под себя все кооперативы, все рынки. Власть тоже всю купили, вот и причина!»

«Ну, ничего, – примирительно кивнул добряк-ферганец. – Теперь всё успокоится. – Подумал и добавил: – Должно успокоиться».

В последующем, с кем бы из местных я ни говорил на ферганскую тему, а таких собеседников у меня были десятки, ответ, как правило, сводился к единственному утверждению: «Турки сами виноваты».

Эта короткая фраза многократно отмечена в моих записях.

Но если «виноваты», то в чем конкретно?

Ответа на этот прямой вопрос я не мог добиться ни от кого.

Лишь один из водителей, возивших наше начальство, заявил: «Турки изнасиловали двух девушек-узбечек, и за это заплатились». Но, похоже, он и сам не слишком-то в это верил, потому что тут же добавил: «Они потребовали автономии, вот им и досталось».

Что ж, это уже серьезнее, это уже могло бы стать причиной

для вспышки гнева.

Однако нигде, ни в одном источнике я так и не нашел ни единой ссылки на подобное требование, да и вряд ли оно могло прозвучать в тогдашних условиях.

Погром турков-месхетинцев до сих пор остается необъяснимой загадкой для исследователей. Как и то, из каких источников распространялись слухи, что «турки сами виноваты».

Существует множество версий на этот счет, но ни одна из них не является всеобъемлющей.

Тем временем, наконец-то, в издательстве появился узбекский писатель-прокурор.

Всегда словоохотливый, он выглядел подавленным, и когда я спросил его о Фергане, то он попросту перевел разговор на другую тему.

Вскоре после него пришел русский писатель-милиционер. Этот не отмалчивался, напротив, в деталях рассказал, что в Фергане толпа выделяла из милицейского оцепления, прежде всего, молодых узбеков. Их осыпали оскорблениями, называли предателями, угрожали им. Именно в них летело больше всего булыжников.

Он также сказал, что в толпе многие находились под воздействием алкоголя и наркотиков.

Это утверждение я слышал позднее от десятков очевидцев событий, и, полагаю, что оно заслуживает доверия.

По словам капитана, в Фергане милиционеры выполнили

свой долг, сдерживали толпу, рискуя жизнью. Но сейчас у многих наступила реакция, сотрудники, особенно из местных, в массовом порядке подают заявление об уходе.

По личной просьбе Нишанова в Фергану ездил очень популярный среди молодежи узбекский поэт.

В Ташкенте на его творческих вечерах собирался полный зал, стояли в проходах, в коридоре, на лестнице и даже на улице.

А вот ферганская молодежь его не приняла, в поэта полетели камни, так что он должен был отступить за милицейский кордон.

Толпа вообще не желала выслушивать кого-либо «с той стороны» – ни партработников, ни комсомольцев, ни деятелей культуры, в уверенности, что все эти люди погрязли в коррупции, вне зависимости от их национальности.

«ЗАСИЛЬЕ МОНОКУЛЬТУРЫ»

Один из коллег-литераторов, узбек, но русскоязычный, прокомментировал события в Фергане весьма необычным образом: «Теперь эти деятели в Москве призадумаются, можно ли натягивать на всех одно лоскутное одеяло, можно ли насаждать монокультуру в ущерб национальным культурам!»

Это словечко «монокультура» вдруг сделалось едва ли не самым ходовым в литературной среде республики. На каждом собрании, при каждом удобном случае узбекские писатели выражали, в меру своего темперамента, возмущение по

поводу «засилья монокультуры».

В коллективе нашего издательства работал молодой сотрудник, узбек, человек честный и прямодушный.

Он стал активистом быстро набравшего силу движения «Бирлик».

Как-то раз это движение проводило митинг у здания ЦК КП Узбекистана, когда там вел заседание приехавший из Москвы Предсовмина СССР Н.Рыжков.

По слухам, милиции перед фасадом было больше, чем манифестантов.

Узнав, что наш парень побывал на митинге, я спросил у него позже, в чем заключались их требования?

Протестовали против «засилья монокультуры», с воодушевлением ответил он.

Я напомнил ему, что, например, в нашем издательстве из 150 наименований книг 120 выходят на языке титульной нации. Напомнил и о том, что финансовое благополучие издательства обеспечивается, в основном, за счет выпуска книг на русском языке. При этом выбор, что купить, делает сам читатель, добровольно. Так в чем же здесь ущемление, в чем засилье?

В ответ он принялся пространно доказывать, что движение «Бирлик» по своей сути является интернациональным, что у них уже есть и русские, и корейцы, и татары и т.д.

«ВЫПУТЫВАЙТЕСЬ САМИ!»

Сотни, тысячи писем шли в эти дни из Ферганы в Москву

– Горбачеву, Рыжкову, министру МВД.

Люди недоумевали, почему вместо того, чтобы проявить твердость, власти вывозят беженцев за пределы республики?

Ведь эвакуация турок фактически означала капитуляцию перед организаторами мятежа, которые так и не были разоблачены.

Среди авторов этих писем было особенно много женщин, и они писали, что теперь у них появился страх, как бы события не повторились в еще более ужасающем варианте.

По их сообщениям, страсти вовсе не улеглись, напряженность сохранялась.

Местные власти не извлекли никаких уроков из мятежа.

Разъяснительная работа проводится с населением лишь для галочки.

Никто из руководителей не едет в мятежные кишлаки, никто не ведет диалога с молодежью.

А ведь бунтовщики достигли своих целей: все турки, более 16 тыс. человек, покинули Ферганскую долину.

Некоторые турки вернулись, но лишь для того, чтобы продать дом, если тот, конечно, уцелел.

Однако покупателей не находилось.

Кто-то загодя пустил слух: если купите у турка дом, то тот сгорит в следующую ночь.

Кто-то продолжал активно работать с сельской молодежью, будоража ее.

Люди просили, чтобы войска не выводили из Ферганской

долины, по крайней мере, до той поры, пока обстановка не нормализуется.

Но эти просьбы, судя по всему, не находили отклика наверху.

Из Москвы вернулся Александр Фитц, редактор одной из республиканских газет.

Он рассказал, что ни в Москве, ни в Ленинграде понятия не имеют о том, что же в действительности случилось в Фергане.

В столице царят совсем другие настроения, там ждут больших, глобальных перемен.

Что же касается судьбы «европейцев» в Средней Азии, то мнение реформаторов на этот счет примерно таково:

«Раз вы там живете, значит, вам там нравится. Иначе давно бы уехали. И вообще, ребята, выпутывайтесь сами. А чтобы у вас не было трений с местным населением, активнее изучайте язык титульной нации».

Мудрый совет, ничего не скажешь.

Между прочим, турки-месхетинцы практически поголовно знали узбекский язык, не говоря уже о том, что по вере являлись мусульманами.

И что же, сильно им это помогло?

ОПУСТЕВШИЕ УЛИЦЫ

Между тем, какое-то нездоровое напряжение охватывало постепенно сам Ташкент.

11 июня было объявлено днем траура по погибшим в Фер-

ганской долине.

В этот день в центре Ташкента, у гостиницы «Россия», собралась националистически настроенная толпа, которая перекрыла движение, сорвала траурные ленты, скандировала лозунги.

Другая толпа собралась у кинотеатра «Чайка».

В этот же день произошла массовая драка возле одной из станций метро.

Начиная с 15 июня, предприятия и учреждения города, в том числе наше издательство, получили предписание направлять к вечеру дружинников в указанный отдел милиции.

Мой друг, узбекский фантаст Ходжиакбар Шайхов оказался в первом патруле.

Назавтра он рассказал, что у общежития завода «Алгоритм» была драка, в которой участвовало свыше 100 человек, при этом «скорая» увезла двоих с ножевыми ранениями.

Многие милиционеры, с которыми он общался в эту ночь, побывали в Фергане. Они до сих пор взвинчены, все на нервах, никак не могут успокоиться...

Сотрудник нашего издательства, детский писатель Николай Красильников вырос в махалле, поддерживал добрые отношения со всеми соседями. Но вот совсем недавно, когда он проходил по знакомой с детства улице, какие-то подростки бросили ему вслед камень...

Днем над городом на небольшой высоте летали вертолеты, а по ночам со стороны кольцевой дороги слышался тяжелый

рокот, словно там проходили танки.

Циркулировали упорные слухи: мол, то, что случилось с турками, это предупреждение Старшему Брату. Пора уже и ему собираться в дорогу, а вместе с ним и всем прочим...

В эти дни по вечерам стояла дивная погода, но город с наступлением сумерек словно вымирал, особенно в отдаленных «европейских» кварталах.

Межквартальные дорожки, обычно оживленные в предзакатный час, были странно пусты, и лишь одинокие прохожие молча спешили к своим домам.

А тем временем, вслед за турками Ферганскую долину начали покидать представители других «некоренных» национальностей. Русские, украинцы, евреи, армяне, немцы, крымские татары – свыше шести тысяч человек за неполных три недели...

Они уже не верили, что в случае новой опасности их защитят.

ТОНКОСТИ МЕЖДУГОРОДНОГО ОБМЕНА

Именно после ферганских событий многие русские ташкентцы, даже из тех, кто собирался жить на этой земле до окончания века, стали подумывать о переезде.

Нет, уезжать собирались далеко не все.

Мой хороший приятель, сотрудник газеты «Фрунзевец» Валерий Петровский решительно заявил: «Я никуда отсюда не двинусь! Мы, Петровские, живем здесь уже сто лет. Почему мы должны уезжать?! И куда?! В России у нас никого

нет, и никто нас не ждет!»

Еще больше было оптимистов, вроде моего дяди Саши, который утверждал:

«Да бросьте вы все паниковать! Советская власть в обиду не даст. Скоро всё образуется. Надо просто перетерпеть. Страсти поулягутся, горячие головы остынут, и всё снова войдет в свою колею. Ведь мы жили и работали вместе столько лет! Ну, что нам делить? Какие мы оккупанты? Это же просто смешно, детский лепет какой-то!»

Многим и вправду очень хотелось верить, что всё образуется.

Тем не менее, сама тема возможного переезда не обошла практически ни одну семью.

Своеобразие момента заключалось в том, что в самой России еще не знали толком о тревожной атмосфере, складывавшейся в Узбекистане, поэтому междугородный обмен покуда был возможен на прежних, «нормальных» условиях.

Но было ясно и то, что если, не дай Бог, полыхнет еще раз, то сюда уже никого и никаким калачом не заманишь.

Значит, меняться надо прямо сейчас, немедленно, всё равно куда, иначе будет поздно.

В обменном бюро количество клиентов увеличилось в несколько раз, объявлениями были оклеены не только стены домов и заборы во дворе, но и все деревья.

Здесь уже гуляли слухи иного рода.

Вам могли шепнуть по секрету, что если вы хотите обме-

нять Ташкент на Ленинград, то выгоднее всего это делать через... Владивосток! Что за чертовщина, причем тут Владивосток?! Да очень просто! Обменяться напрямую с Ленинградом практически невозможно, разве что вы согласитесь на весьма серьезные уступки. А вот на Владивосток поменяться проще. А, с другой стороны, морских офицеров из Ленинграда, с Балтийского флота, часто переводят по службе во Владивосток, на Тихоокеанский флот. Офицерам поневоле приходится менять свои обжитые ленинградские квартиры на Приморье, нередко в авральном режиме. Вот тут-то вы и получаете свой шанс, теперь поняли?

Подобных фантастических баек ходило тогда великое множество.

Не знаю, удалось ли хоть кому-нибудь сменить Ташкент на Ленинград через Владивосток, но люди часами сновали от одного стенда с объявлениями к другому, выписывая десятки, сотни самых парадоксальных вариантов, в надежде, что хоть какой-то из них окажется удачным.

Но времени на многоходовые варианты обмена катастрофически не хватало.

Очень скоро в самых отдаленных регионах России узнали, что ташкентское жилье подешевело, и начали задирать планку.

Там, где еще недавно 2-комнатная квартира спокойно обменивалась на аналогичную, теперь за ваши две давали лишь одну комнату.

Те, кто не желал связываться с длительной процедурой обмена, имея при этом определенные возможности, поступали проще. Меняли внутри Ташкента свою большую квартиру на маленькую, брали доплату и уезжали.

Со всей наглядностью резкий скачок числа ташкентцев, покидавших родной город навсегда, проявился в работе грузового двора.

Если еще совсем недавно контейнер для домашних вещей можно было спокойно заказать хоть на завтра, то теперь надо было записываться за месяц вперед, при этом очередь имела тенденцию к быстрому росту.

Впрочем, восток есть восток.

Можно было, «отойдя от кассы», договориться с водителем, и в нужный вам день контейнеровоз стоял у вашего подъезда.

Но и здесь дополнительная плата за конфиденциальность услуги росла как на дрожжах, по мере того, как увеличивался поток отъезжающих.

БОЛЬШАЯ РОДНЯ

О масштабах исхода русских из Узбекистана я все же расскажу на примере собственной родни.

Моя прабабушка по материнской линии Иванова Ирина Ивановна родилась в 1903 году под Семипалатинском, в многодетной семье, переселившейся в Центральную Азию еще в конце 19 века. Впоследствии она сама родила более десяти

детей, из которых, правда, выжили только четверо.

Еще до войны вся большая семья перебралась в город Янгиюль, что в 30км от Ташкента, фактически пригород столицы.

Прадед Никон Андреевич занимал в Янгиюле ответственный пост, в 1941-м отправился на фронт и пропал без вести в первые месяцы войны.

Моя бабушка Иванова Любовь Никоновна в апреле 1945-го окончила Харьковское военно-медицинское училище, находившееся в эвакуации в Ашхабаде, и была направлена в действующую армию, но пока она добиралась до Германии, война завершилась.

Там, в поверженной Германии, она встретила бравого офицера-танкиста, ну и в положенный срок в молодой семье появился первенец, то есть, мой отец.

В Янгиюле к нашему приезду собиралась вся родня, приезжали из Ташкента и даже из Ферганы.

Ввиду многочисленности гостей, во дворе сдвигали столы, причем для размещения всех своей мебели не хватало, часть приходилось заимствовать у соседей.

А ведь собирались только взрослые; если бы они привели с собой еще и детей, то, пожалуй, в тесном дворике яблоку негде было бы упасть.

Впоследствии численность моей среднеазиатской родни только росла. Молодежь благополучно создавала новые семьи, в которых воспитывалось по двое-трое, а то и четверо

ребятишек.

Все они, жившие в этом краю в третьем-четвертом-пятом поколении, стремились получить образование, овладеть хорошей профессией, а, кроме того, уважительно относились к местным традициям, соблюдали общепринятые нормы поведения и с полным на то основанием считали Узбекистан своей родиной.

Мои ташкентские родственники держались до последнего и начали уезжать только после развала Союза, когда рухнули последние надежды.

Уехали, впрочем, не все, некоторые предпочли остаться.

Но когда мысленно я пытаюсь собрать тех, кто остался там, вместе, то понимаю, что для их размещения хватило бы даже небольшого стола.

И тогда мне снова вспоминается тесный янгиюльский дворик минувшей поры, вспоминаются заполнявшие его люди – веселые, преисполненные достоинства, имевшие хорошие профессии и достаток в семье, уверенные в своем будущем и в будущем своих детей.

Те же, кто уехал, а это большинство, обосновались в различных местах, исходя из конкретных обстоятельств: в России, в Белоруссии, Украине, Германии...

За общим столом нам уже не собраться, видимо, никогда, да и многие родственные связи оказались утраченными.

Таков итог нового «великого переселения народов» в свете бегло обрисованной истории одной отдельно взятой боль-

шой семьи.

А сколько других русских семей из Средней Азии – больших и малых – оказались вынужденными переселенцами, которым пришлось выживать, начинать всё сначала и годами доказывать свое право на гражданство РФ!

* * *

Выдавив значительную часть русского населения вместе с его «монокультурой» из своих пределов, Узбекистан мало что от этого выиграл.

По разным оценкам, за чертой бедности проживает от четверти до трети населения этого ныне независимого государства.

А что же Россия?

Наши реформаторы одно время прозрачно намекали, что Средняя Азия с ее феодально-байскими традициями вроде пут на ногах российской экономики, и что, дескать, сбросив эти путы, мы двинемся вперед семимильными шагами.

Ну, «сбросили путы», а что же так и не двигаемся вот уже двадцать лет?

Да и заблуждение это – что «сбросили».

Средняя Азия никуда не исчезла с нашего горизонта, напротив, она стала ближе, гораздо ближе, чем была, и чтобы убедиться в этом, достаточно выйти на улицу.